

David Greber

THE ULTIMATE HIDDEN TRUTH OF THE WORLD

Дэвид Гребер

**Главная
тайная истина
мира...**

9 785908 105194

Ad Marginem

Дэвид Гребер

Главная тайная истина мира

«Ад Маргинем Пресс»

2020

УДК 336.77+316.3
ББК 65.262+60.025.22

Гребер Д.

Главная тайная истина мира / Д. Гребер — «Ад Маргинем Пресс», 2020

ISBN 978-5-908105-19-4

Настоящая книга - сборник из восемнадцати текстов легендарного антрополога-анархиста Дэвида Гребера (1961-2020). В этих статьях, лекциях, эссе и интервью прослеживаются ключевые идеи автора, ставшие впоследствии проектами всей его жизни: природа экономического знания; воспроизводство иерархий, основанных на насилии; роль «западной традиции» в подавлении демократической самоорганизации; диалогический характер человеческого сознания; сотрудничество как форма политической свободы. Некоторые работы превратились со временем в известнейшие книги Гребера: так из «Запада никогда не было» родилась «Заря всего», из «Мертвых зон воображения» - «Пиратское просвещение», а эссе «О феномене бесполезных работ» выросло в бестселлер «Бредовая работа». В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 336.77+316.3
ББК 65.262+60.025.22

ISBN 978-5-908105-19-4

© Гребер Д., 2020
© Ад Маргинем Пресс, 2020

Содержание

Ребекка Солнит	6
Ника Дубровская	10
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Дэвид Гребер

Главная тайная истина мира

THE ULTIMATE HIDDEN TRUTH OF THE WORLD

Copyright © 2024, the David Graeber Estate

All rights reserved

© ООО «Ад Маргинем Пресс», 2026

Ребекка Солнит С неистовой радостью

Характер и склонности Дэвида Гребера проявляются в его произведениях так же, как и в жизни. В текстах, вошедших в этот сборник, мысль стремительно несется и зовет за собой. Дэвид был жизнерадостным и компанейским человеком – увлеченным, говорливым; источником вдохновения ему служили возможности, заключенные в тех идеях и идеологиях, с которыми он спорил и которые осмыслял. Каждый раз, когда мы встречались – от Нью-Хейвена в начале 2000-х до Лондона за несколько лет до его смерти, он оставался по сути тем же, что и всегда: сияющий, взерошенный, с неумной энергией, под стать неумному движению своей мысли, он сыпал словами, как будто переполнявшими его в безудержном изобилии. Дэвид также пользовался большим уважением в активистских кругах за свое умение слушать, и его отношение к окружающим было лишь продолжением его радикального эгалитаризма.

Он всегда оставался антропологом. Завершив полевые исследования среди традиционных народов Мадагаскара, он не остановился и переключился на американское общество, сочтя его вполне пригодным и достаточно интересным объектом для анализа тех зачастую неочевидных верований и обычаев, которые его сформировали. Его тексты, подобные эссе «Мертвые зоны воображения» и книге «Бредовая работа», стали результатом применения антропологического инструментария к тому, что обычно считается скучным или попросту игнорируется, – к функциям и последствиям бюрократии. А его бестселлер о долге¹ напомнил нам, что деньги и финансы относятся к числу социальных отношений, которые можно перестроить к лучшему.

Он постоянно подчеркивал, что индустриализированная евро-американская цивилизация, как и другие общества прошлого и настоящего, представляет собой лишь один из бесчисленных способов организации совместной жизни. В своей работе он часто обращался к историческим эпизодам, когда общества отвергали сельское хозяйство, технологии или социальную иерархию, а социальные группы делали выбор в пользу отношений, которые считались «примитивными», но обещали большую свободу, – итогом этой работы стала книга 2021 года, написанная в соавторстве с Дэвидом Уэнгроу, «Заря всего», идеи которой предвосхищает эссе «Запада никогда не было». Он отвергал все линейные нарративы, где современные люди утрачивают изначальную невинность или возвышаются над примитивным варварством; вместо единого нарратива он предлагал множество версий и вариаций, рассматривая человеческие общества как бесконечные эксперименты, в которых люди непрерывно творят друг друга. Это огромное разнообразие возможностей само по себе было для него источником надежды, позволяя настаивать на том, что всё не обязательно должно быть так, как есть сейчас.

Как отметил Маркус Редикер в рецензии на посмертно опубликованную книгу Дэвида «Пиратское просвещение», «всё, что писал Гребер, было одновременно генеалогией настоящего и описанием того, как могло бы выглядеть справедливое общество»². Как видно из текстов, собранных в этой и остальных его книгах, его волновало неравенство всех видов, в том числе гендерное, и насилие, которое укрепляет неравенство и несвободу, как в нашем, так и в других обществах, а также способы лишить их легитимности и исторический опыт тех обществ, которым удавалось от них избавиться. Одним словом, он уделял особое внимание свободе и препятствиям на пути к ней.

¹ <https://www.thenation.com/article/world/david-graeber-pirates-madagascar>

² Гребер Д. Долг: первые 5000 лет истории. Четвертое издание / пер. А. Дунаева. М.: Ад Маргинем, 2023. – Здесь и далее под цифрами примечания авторов, под астерисками — переводчика.

Дэвиду часто приписывают авторство фразы «Мы – это 99 %», однако он настаивал, что его вклад сводился лишь к формулировке про «99 %» – части лозунга движения «Захвати Уолл-стрит» (Occupy Wall Street), ставшего настолько убедительным, что «1 %» до сих пор широко используется для обозначения высших эшелонов элиты. «99 %» – сама эта фраза вселяет надежду, представляя альтернативу старому описанию общества как слоеного пирога, состоящего из рабочего, среднего и высшего классов. Она утверждает, что подавляющее большинство из нас работает по найму и часто сталкивается с финансовыми трудностями или живет в прекарных условиях и что у большинства из нас много общего – и много причин противостоять сверхбогатым.

Собранные здесь эссе напоминают о том, что интересы Дэвида выходили далеко за пределы антропологии – он внимательно следил за литературой по истории, экономике, археологии и политическим наукам. Его тексты представляют собой синтез этого материала и текущих событий, переработанных его собственным пламенным воображением. Он любил идеи. Работа приносила ему радость, как и то, что ее результаты могли и действительно пересекались с реальными процессами «на земле» – особенно с радикальными движениями конца 1990-х и начала нового тысячелетия, включая движение против корпоративной глобализации, достигшее своего пика с прекращением работы Министерской конференции Всемирной торговой организации (ВТО) в Сиэтле в 1999 году, восстанием сапатистов в Мексике, начавшимся в 1994 году, и многочисленными формами радикального эгалитаризма, которые проявились в экспериментах с прямой демократией и сопротивлении несправедливым институтам и правительствам, особенно в рамках движения «Захвати Уолл-стрит» 2011 года, в котором он принимал активное участие.

Эта радость – возможно, так и нужно относиться к идеям и к их способности открывать или закрывать возможности, в соответствии с фразой, из которой взят заголовок этой книги: «Главная тайная истина мира заключается в том, что мир – это то, что мы создаем, и мы вполне могли бы сделать его другим». Если вы правда в это верите и воспринимаете мир как построенный в соответствии с определенными допущениями и ценностями, то становится ясно, что его можно изменить, в том числе путем изменения этих допущений и ценностей.

Вы понимаете, что идеи имеют значение и что у нас есть определенная роль в выборе тех идей, которые формируют реальность нашей жизни; и вы осознаете чрезвычайную важность работы ученых и мыслителей. Пренебрежительное отношение к идеям распространено в антиинтеллектуальных кругах, но даже среди тех, чья работа – размышлять над идеями, слишком многие не верят в их способность менять мир. Ведь если идеи правда на это способны, то на нас, тех, кто работает с идеями, ложится ответственность за то, чтобы изменить этот мир или предоставить другим инструменты для такого изменения, помочь им разрушить идеи, которые ограничивают и унижают. Мы должны осознать, что идеи – это инструменты, которыми мы владеем и которые дают нам некоторую власть.

Дэвид хотел передать эти инструменты в руки каждого – или напомнить людям, что они уже у них есть. Отчасти именно поэтому он усердно и успешно трудился над тем, чтобы его стиль, пусть и не всегда простой, оставался настолько ясным и доступным, насколько позволял материал. Эгалитаризм – это также и стиль письма. Наша общая подруга, писательница, режиссер и активистка за отмену долгов Астри Тейлор написала ему сообщение: «Перечитываю „Долг“. Ты чертовски хорошо пишешь. Редкое качество среди левых». Он ответил ей в августе того же года, за месяц до своей кончины: «Спасибо! Во всяком случае, стараюсь хорошо писать – это „забота о читателе“ и в каком-то смысле – продолжение политики». Чтобы считать людей способными управлять собой в отсутствие принудительных институтов и иерархий, анархисты должны иметь огромную веру в обычных людей, и Дэвид верил. Фраза, которую Линдси Стоунбридж написала о Ханне Арендт, в равной степени применима и к нему: «Зацик-

ливаться на ее исключительном уме – значит упустить нечто важное в ее уроках мышления: мышление – это обычное дело, учит она; в этом и заключается его тайная сила»³.

Несмотря на его блестящий ум и оригинальность – или, может быть, именно из-за них, – его академическая карьера складывалась нелегко. В первой прочитанной мной книге Дэвида, «Фрагментах анархистской антропологии» – совсем тоненькой книжечке, переполненной грандиозными идеями, – он писал: «В США можно найти тысячи ученых-марксистов того или иного толка, но едва ли наберется десяток ученых, которые открыто называют себя анархистами. <...> Популярность марксизма в академических кругах остается крайне высокой, и анархизму едва ли когда-нибудь удастся занять его нишу. В конце концов, именно марксизм лег в основу единственного великого социального движения, у истоков которого стоял человек с ученой степенью, хотя в дальнейшем его основным направлением стало объединение рабочего класса»⁴. Затем он утверждает, что анархизм, в отличие от марксизма, не был создан горсткой интеллектуалов; напротив, «базовые принципы анархизма – самоорганизация, добровольное объединение, взаимопомощь» – «присущи человечеству с начала времен»⁵. Дэвид был анархистом не только по убеждениям, но и по складу характера.

В эссе 2017 года он заявил: «В академическом мире много загадок, которые вполне подошли бы для этнографического анализа. Один из вопросов, который не перестает меня занимать, это бессрочный контракт. Как получилось, что система, якобы задуманная с целью обеспечить ученых возможностью высказывать опасные мысли, стала настолько мучительной и психологически разрушительной, что к моменту, когда ученые достигают устойчивого положения, 99 % уже забыли, что это вообще такое – мыслить опасно»?⁶ Иначе говоря, будучи частью академического сообщества, он одновременно был изгоем и врагом этого сообщества, полного враждебности по отношению к нему за отказ играть по его правилам.

Так он и пишет, со свойственной ему непринужденной прямолинейностью: «Я согласился написать этот текст, потому что не собираюсь в обозримом будущем претендовать на академическую должность в Америке. В этом эссе нет, наверное, ни одного абзаца, который я бы не подверг самоцензуре, если бы дело обстояло иначе». Мне жаль, что он так и не провел полноценный антропологический анализ академического мира с его странными обрядами инициации, укоренившимися иерархиями, дисфункциональными системами, абсурдными правилами и использованием языка как средства исключения, а не только объединения и коммуникации.

Боевой клич Дэвида как ученого и активиста гласил: «Всё необязательно должно быть так». Там, где представители академического мира могут быть холодными и сдержанными, уклоняясь от непосредственного участия, он был сердечным и полным энтузиазма, стремясь к тому, чтобы идеи приводили к действиям, способным изменить мир. Астра отмечает: «Хотя он презирал скуку академической бюрократии, он любил активистские собрания, наслаждаясь идеологическими дебатами и упиваясь всевозможными замыслами, интригами и проказами». Он был полон надежды – не слепой, а основанной на накопленных им свидетельствах того, что человеческие общества принимают бесчисленные формы, что люди, которых считают бессильными, вместе могут обладать весьма значительной силой и что идеи имеют значение. (Одно из моих любимых таких свидетельств из книги «Фрагменты анархистской антропологии» касается народа сакалава на Мадагаскаре, который официально почитает умерших королей – но эти короли сообщают о своих желаниях «через медиумов, которыми обычно являются преста-

³ Stonebridge L. We Are Free to Change the World: Hanna Arendt's Lessons in Love and Disobedience. London: Vintage; Random House UK, 2024.

⁴ Гребер Д. Фрагменты анархистской антропологии / пер. А. Трутанова, А. Акулова, Я. Жогана, Л. Тимарова. М.: Радикальная теория и практика, 2014. С. 6.

⁵ Там же. С. 7.

⁶ <https://publicanthropologist.cmi.no/2017/10/11/academic-politics-of-silencing/#david-graeber>

релые женщины незнатного происхождения»⁷. То есть система, официально возглавляемая мужчинами из элиты, контролируется женщинами, к элите не принадлежащими.)

Надежда – дело непростое, особенно для интеллектуалов и активистов. Цинизм, хотя он часто ошибается в своих оценках человеческой природы и политических возможностей, создает видимость искушенности, отчаяние зачастую воспринимается как проявление утонченности и житейской мудрости, а надежда – как наивность, хотя нередко всё ровно наоборот. Надежда – это рискованная ставка, и можно проиграть, но опыт показывает, что если попытаться, то иногда выигрываешь. Именно поэтому большое эссе Дэвида «Шок победы», не вошедшее в этот сборник, начинается со слов: «Самая большая проблема, стоящая перед движениями прямого действия, заключается в том, что мы не знаем, что делать, если мы победим». Другое эссе, тоже не включенное в этот сборник, «Усталость от отчаяния», начинается с похожей фразы: «Можно ли устать от безнадежности?»

Суперсила Дэвида состояла в том, что он был аутсайдером. Он не исходил из общепринятых представлений, а стремился их разрушить, побуждая нас увидеть их произвольность, ограниченность и необязательность и приглашая всех в пространства, которые открывает такая перспектива (отдавая дань уважения тем, кто уже там находится). В большей части своих текстов Гребер, по сути, задается вопросом: «А что будет, если мы с этим не согласимся?» – и если мы разберем «это» по частям, чтобы увидеть его истоки и последствия, отвергнем его, сбросив, как ношу, которую мы не обязаны нести, как одежду, которую мы не обязаны носить, то в результате мы станем свободными. Его анализ направлен на освобождение, он освобождает самими своими средствами и целями. В этом смысле это дар, и дар щедрый. Спасибо, Дэвид.

⁷ Гребер Д. Фрагменты анархистской антропологии. Указ. соч. С. 51.

Ника Дубровская

Введение

После смерти Дэвида в 2020 году значительная часть моей жизни была связана с его обширным архивом, включающим опубликованные и неопубликованные тексты, сотни записных книжек, аудио- и видеозаписей, а также корреспонденцию. Дэвид однажды сказал, что настоящая забота о «великом человеке» начинается после его смерти и почти всегда исходит от женщин. Теперь я понимаю, что он имел в виду.

Говоря о заботе, Дэвид добавлял, что она имеет смысл, только если делает возможной свободу. Тюремные обеспечивают своих заключенных едой и жильем, но едва ли кто-нибудь из нас захотел бы испытать на себе такую форму заботы. Родители заботятся о своих детях, чтобы те могли играть и быть свободными. Я спрашиваю себя: какого рода забота может понадобиться Дэвиду после смерти и какую посмертную свободу она могла бы ему дать?

Наша западная концепция свободы восходит к юридической власти римских патриархов над своими семьями и рабами. Она основана на идее частной собственности, понятой не как межчеловеческое отношение, но как отношение между человеком и вещью или между двумя людьми, один из которых также является вещью (именно так в римском праве определялись рабы: как люди, которые одновременно являются вещами, *res*). Рабство означало социальную смерть: раб был человеком, лишенным права создавать собственные социальные связи. В свою очередь, латинское слово, обозначающее тело – *corpus*, – также означает совокупность текстов или свод законов и связано с идеей частной собственности и свободного человека, владеющего своим телом и способного владеть имуществом. Другое значение слова *corpus* – труп, мертвое тело. Собрание произведений, предназначенное для вечности, неизменное, парящее над простыми смертными: трудно найти описание писательского труда, более чуждое Дэвиду.

Дэвид постоянно возвращался к одному парадоксу: в европейской правовой традиции свобода оказалась тесно связана с собственностью – вплоть до представления о человеке как владельце самого себя. Во многих своих работах он пытался показать, что свобода не начинается с закона или индивидуального права собственности. Возможно, она начинается гораздо раньше – с игры, импровизации и способности создавать новые отношения с другими людьми. (В эссе для популярного журнала *The Baffler*, завершающем этот сборник, Дэвид обращается к ключевым темам свободы и игры, которые он обсуждал с философами Роем Бхаскаром и Мехди Бельхаджем Касемом.)

Письмо было для Дэвида возможностью освобождения. Это был бунтарский проект, часто включавший других людей, попытка вместе с другими изменить правила, по которым мы живем, в буквальном смысле пересмотреть социальные нормы. Его понимание перемен расходилось с представлениями многих революционеров, особенно Владимира Ленина. Дэвид считал, что революция заключается не в захвате Лувра или приходе к власти новых политиков – хотя иногда это и может помочь сделать мир лучше. Скорее, он верил, что «революция происходит тогда, когда меняется наше представление о том, что нормально, разумно и вообще возможно».

Дэвид жил с глубоким пониманием того, что «главная тайная истина мира» – то, что управляет невидимыми социальными механизмами нашего общества, заставляя нас убивать друг друга на войне или строить бесплатное жилье, годами трудиться на бессмысленных работах или брать на себя труд по уходу за другими, даже если это приносит мизерный доход, – «заключается в том, что мир – это то, что мы создаем, и мы вполне могли бы сделать его другим». Борхесу принадлежит знаменитая фраза: «Когда писатели умирают, они становятся книгами, и это не такое уж плохое воплощение». Мне близка эта мысль. Но чтобы по-настоящему

воплотить дух Дэвида, его книга должна оставаться открытой – подобно проектам разработки с открытым исходным кодом, в которых может принять участие кто угодно, методология и результаты прозрачны, и если «ведущие программисты» исчезают, проект продолжает развиваться без них.

Дэвид был тем, кого французы называют «*homme de lettres*». Он жил для того, чтобы делиться своими идеями, выражая их всеми возможными способами. Подобно Ноаму Хомскому, другому известному ученому-анархисту, он был открыт для общения с людьми за пределами академического мира и выступал практически везде, куда его приглашали. Дэвид понимал анархизм не как идентичность, но как практику, существующую в социальных отношениях с другими, и можно сказать, что, помимо собственных публикаций, его главным интеллектуальным проектом была демократизация самого процесса письма.

Дэвид часто говорил, что когда он пишет, то мысленно разговаривает со своей матерью, и если, как ему казалось, она его понимала, то поймут и другие. Его тексты были написаны так, чтобы другие люди могли обсуждать их и развивать высказанные в них идеи. Он стремился изменить наш коллективный здравый смысл, а эта задача может быть решена только совместными усилиями.

Мне кажется, что его социальный проект оказался чрезвычайно успешным. Из книги в книгу, из текста в текст Дэвид бросал вызов укоренившимся представлениям, за которые мы упрямо держимся, самой сути нашего образа мысли и социальных норм. Он с гордостью отмечал, что после движения «Захвати Уолл-стрит» слово «неравенство» стало появляться в речах даже самых консервативных американских политиков, а большинство американцев младше тридцати пяти лет предпочитали социализм капитализму. Движение «Захвати Уолл-стрит», которому он позже посвятил несколько книг, распространилось по всему миру. Хотя Дэвиду часто приписывают авторство лозунга «Мы – 99 %», тот был результатом коллективного творчества, зародившимся в борьбе. Сегодня, спустя годы после его ухода, эти слова продолжают находить отклик и влиять на умы во всем мире.

Совместно со студентами и коллегами Дэвида из Института Дэвида Гребера и Музея заботы я выбрала восемнадцать текстов, которые представляют основные проекты его жизни – или, по крайней мере, те из них, о которых мы уже знаем; его архив огромен и до конца не исследован. В этих текстах заключена история его отношений с другими людьми: друзьями, противниками и собеседниками. Их центральные темы — диалогический характер человеческого сознания, сотрудничество как форма политической свободы и сами истоки «здравого смысла».

В предисловии к «Пиратскому Просвещению» Дэвид описывает эту книгу как часть более широкого интеллектуального проекта, который он впервые изложил в эссе 2007 года «Запада никогда не было (Часть первая)» и продолжил в книге «Заря всего» (в соавторстве с Дэвидом Уэнгроу)⁸. Он назвал этот проект «деколонизацией Просвещения»: «Не подлежит сомнению, что многие из тех идей, которые мы рассматриваем сегодня как результат деятельности европейских просветителей, использовались между тем для оправдания беспримерной жестокости, эксплуатации и истребления трудящихся не только у себя на родине, но и на других континентах. Впрочем, огульное осуждение просветительской мысли тоже довольно странно»⁹.

Делом жизни Дэвида было раскрытие незападных истоков Просвещения, демонстрирующих радикально иной взгляд на человеческую природу и демократию и показывающих возможность иного Просвещения, которое нам только предстоит открыть. В книге «Пиратское Просвещение» он рассказывает историю белых европейских поселенцев на Мадагаскаре, которым

⁸ Гребер Д., Уэнгроу Д. Заря всего. Новая история человечества / пер. К. Митрошенкова. М.: Ад Маргинем Пресс, 2025.

⁹ Гребер Д. Пиратское Просвещение, или Настоящая Либертalia / пер. А. Вознесенского. М.: Ад Маргинем Пресс, 2024. С. 11.

по большей части удалось избежать совершения преступлений против человечности, которые мы сегодня называем колониализмом. Это пример альтернативной колонизации, в ходе которой Старый Свет встретился с Новым Светом, смешавшись с местным населением и создав новую культуру и даже новую нацию – зана-малата, до сих пор живущую на Мадагаскаре, – при этом следуя идеям равенства, свободы и демократии, столь ценным на Западе сегодня.

Некоторые ключевые идеи этого проекта изложены Дэвидом в статье «Мертвые зоны воображения», опубликованной в 2013 году¹⁰. Однако они являются лишь частью более масштабного замысла, появившегося еще во время его учебы в аспирантуре, когда по совету своего учителя и наставника Маршалла Салинза Дэвид отправился проводить полевые исследования на Мадагаскаре.

В своей полевой работе Дэвид опирался на сформулированную Салинзом критику западных экономических и культурных моделей, соединив ее с идеями русских мыслителей – прежде всего Кропоткина и Бакунина, а также Достоевского и Бахтина. Примечательно, что на Мадагаскар он взял с собой всего две книги: «Братьев Карамазовых» Достоевского и «Творчество Франсуа Рабле» Бахтина. Одна из главных идей, к которой Дэвид постоянно возвращался как в своей политической работе, так и в антропологических исследованиях, у Бахтина звучит так: «Человек не является конечной и определенной величиной, на которой можно было бы строить какие-либо твердые расчеты; человек свободен и потому может нарушить любые навязанные ему закономерности»¹¹. Бахтин и Достоевский описывали человеческую природу как потенциальность, которая проявляется через полифонический, карнавальный диалог с другими людьми.

Дэвид часто говорил: «Все люди суть проекты взаимного созидания. Большая часть нашей работы направлена друг на друга». Именно так он понимал себя и смысл своего творчества.

Выбирая тексты для раздела об экономике и заботе, я вспомнила, как на презентации одной из своих книг в Берлине Дэвид ответил на вопрос женщины, представившейся сиделкой в доме престарелых. Она спросила: «Почему такие люди, как я, не имеют доступа к принятию решений?» Дэвид ответил: «Наше общество устроено так, что доступ к власти определяется доступом к насилию – и почти ничем другим. Люди, занятые заботой о других, имеют минимальный доступ к принятию решений, а главнокомандующие армиями, генеральные директора крупных корпораций и другие люди на подобных позициях решают, как все мы будем жить». Он задал женщине встречный вопрос: «Хотим ли мы жить в обществе, организованном в соответствии с идеалами таких людей?» Я была в той аудитории, и ответ Дэвида поразила меня, ведь авторы пятисотстраничных книг нечасто утруждают себя тем, чтобы соотносить свои сложные концепции, тем более из области экономики, с повседневной реальностью обычных людей. Еще сложнее сделать свои фундаментальные открытия – новые парадигмы знания, истории и власти – понятными людям, не имеющим специального образования. Но именно это и требуется, чтобы изменить господствующие представления о здравом смысле. В разделе «Против экономики» я поместила тексты, которые, как мне кажется, лучше всего раскрывают взгляды Дэвида на власть и справедливость. В интервью «Финансы – всего лишь другое слово для обозначения чужих долгов» Дэвид упоминает некоторых своих собеседников, повлиявших на его взгляды, но я бы хотела особо выделить Майкла Хадсона, экономиста, работающего как в академической среде, так и на Уолл-стрит, которому Дэвид приписывает заслугу привлечения его внимания к отношениям кредиторов и должников и к долгу как ключевому мотиву истории человечества. (Дэвид также был очарован невероятной био-

¹⁰ Гребер Д. Утопия правил: о технологиях, глупости и тайном обаянии бюрократии. 2-е изд. / пер. А. Дунаева. М.: Ад Маргинем Пресс, 2022. С. 49–106.

¹¹ Бахтин М. Собрание сочинений в 7 т. Ин-т мировой лит. им. М. Горького Рос. акад. наук. Т. 6: Проблемы поэтики Достоевского, 1963. Работы 1960-х – 1970-х годов. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 69.

графией Хадсона. Однажды по пути на обед с Майклом Дэвид шепнул мне: «Удивительно, но всё, что Майкл расскажет тебе о себе, на самом деле правда!» Крестным отцом Хадсона был Лев Троцкий, убитый ледорубом, принадлежавшим тете Майкла. Такие истории интересовали Дэвида гораздо больше, чем любые академические достижения.) Другой текст, включенный в раздел «Против экономики», «О феномене бессмысленных работ», родился как продолжение неформальных бесед с людьми, считавшими свою работу бессмысленной или даже вредной для общества, несмотря на высокий заработок и статус. Дэвид сочувствовал этим людям как жертвам «духовного (spiritualist) насилия», которому человек подвергается, когда вынужден заниматься бессмысленной работой. В конце концов, именно этих людей, находящихся на самых привилегированных позициях в обществе, левые традиционно (и не без оснований) презирали за их соучастие в угнетении и обвиняли в страданиях угнетенных. Однако Дэвид обращает внимание именно на страдания их самих – «шрам на нашей коллективной душе».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.